

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-2-143-158

УДК 316.422;316.32;140.8

ОБЩЕСТВО РИСКА В ЭПОХУ НАРАСТАЮЩЕЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Гриценко Г.Д.

В статье представлен анализ современного общества риска в постмодернистскую эпоху с точки зрения антропологического измерения. Опираясь на теоретическое наследие Н. Лумана, У. Бека, Э. Гидденса, О.Н. Яницкого, были обоснованы положения о максимальном сосредоточении рисков в политико-управленческой сфере и снижении социальной ответственности человека. В статье показано, что в современном постмодернистском обществе усиливаются «риски глобализации» (У. Бек), что обусловлено в определенной степени возрастанием роли масс-медиа в социокультурном пространстве, значимыми элементами которого выступают экспертное знание и общественное мнение. Разрастание рискогенности и неопределенности в политико-управленческой сфере проявляется в актуализации «дерева решений» и оценки «порога бедствия» (Н. Луман), что обостряет антропологическую проблему, для решения которой был использован концепт амбивалентного человека. Увеличивающаяся неопределенность ведет к активизации двух основных образов человека: «человека ценностного» и «человека институционального». В социокультурном пространстве общества постмодерна начинают преобладать образ свободного виртуального человека как представителя «новых интеллектуалов», формирующих общественное мнение, с одной стороны, и образ «институционального человека» «согласованных стратегий» как политически ангажированных экспертов, тиражирующих экспертное знание, с другой стороны. Это ведет к дальнейшему нарастанию неопределенности в обществе риска и снижению уровня социальной ответ-

ственности человека, особенно в политико-управленческой сфере. Делается вывод, что одним из возможных механизмов уменьшения степени неопределенности и рискогенности в обществе постмодерна становится системное мировоззрение, обеспечивающее человеку способность предвидеть возможное развитие событий и предотвратить вероятностные нежелательные последствия, что важно при принятии политико-управленческих решений.

Ключевые слова: неопределенность рискогенности; общество постмодерна; масс-медиа; субъект принятия решения; «ценностный человек»; «институциональный человек»; системное мировоззрение.

RISK SOCIETY IN AN ERA OF INCREASING UNCERTAINTY: AN ANTHROPOLOGICAL DIMENSION

Gritsenko G.D.

The article presents the analysis of the risk society in postmodern era, in terms of anthropological measurements. Drawing on the theoretical heritage of N. Luhmann, U. Beck, E. Giddens, O. N. Janicki, would, if substantiated provisions on the maximum concentration of risks in the political-administrative sphere and the decline of social responsibility of man. The article shows that in today's postmodern society increase "the risks of globalization" (U. Beck), which is caused to some extent by the increasing role of mass media in the socio-cultural environment, significant elements of which are expert knowledge and public opinion. The growth of riskovannoe and uncertainty in the political-administrative sphere is manifested in the actualization of "decision tree" and evaluation of "threshold of disaster" (N. Luhmann), which sharpens the anthropological problem, for which was used the concept of ambivalent person. Increasing uncertainty leads to the activation of two major images of man: "human values" and "institutional man". In socio-cultural space of the society of postmodernism begin to dominate the image of free virtual human as a representative of the "new intellec-

tuals,” opinion-makers, on the one hand, and the “institutional man” “agreed strategies” as politically engaged experts, tyre-fattening expert knowledge, on the other hand. This leads to a further increase in uncertainty in the risk society and reduce the level of social responsibility, particularly in the political-administrative sphere. It is concluded that one of the possible mechanisms of reducing uncertainty and riskovanoe in postmodern society is a system worldview that provides a person the ability to anticipate possible developments and to prevent the probability of undesirable consequences, which is important when making political and administrative decisions.

Keywords: *uncertainty of riskogenicity; postmodern society; mass media; decision-making subject; “value person”; “institutional person”; systemic worldview.*

Введение

Современный мир характеризуется небывалой динамичностью и изменчивостью, что становится не только серьезной исследовательской проблемой, но и трудной задачей для человека в его повседневной жизни. Человек неизбежно оказывается в ситуации нового, неизвестного, следовательно, неопределенного. Неопределенность становится важнейшим признаком современности [14].

Неопределенность вызывается растущей «негерметичностью» современного общества. У. Бек писал: «Система координат, в которой протекали жизнь и мышление в эпоху индустриальной модернизации – оси пола, семьи и профессии, вера в науку и прогресс – начинает расшатываться» [16, с. 15]. Нарастающая неопределенность зафиксирована Ч. Перроу понятием «нормальный несчастный случай», что указывает на сбои даже самых совершенных социотехнических систем и требует расчета вероятности наступления критических ситуаций [23]. Глобализация социотехнических систем повышает вероятность их отказов во много раз [12]. Мировые финансовые рынки также являются источниками глобальных рисков высшей опасности [3]. Нарастающая рискогенность нашла отражение в понятии У. Бека «риски глобализации» как неотъемлемой

характеристики эпохи постмодернизма [17, с. 135]. По мнению У. Бека, «конструкция безопасности и контроля, доминировавшая... на начальном этапе модернизации, становится фиктивной в эпоху глобального общества риска. Сформировался новый тип отношений, именуемый “сконструированными неопределенностями”» [17, с. 146].

В условиях перехода от простой к высокой (поздней) модернизации [13, с. 22], когда обществу имманентно присуще производство рисков, когда риски модернизации приносят «сконструированные неопределенности» в каждую клетку общества, в каждую социальную ситуацию или социальное событие, человек как бы «освобождается» от определенностей индустриального общества и оказывается в условиях смены осей социальной системы координат. Человек живет, по словам Ю. Роза, в ситуациях, «в которых нечто ценное для него, включая его собственную жизнь, поставлено на карту, и последствия этой... ситуации являются неопределенными» [24, с. 17]. Именно поэтому целесообразно исходить не просто из утверждения «общество и риск», «человек и риск», а из формулы «человек в обществе риска» [2, с. 81], где на первое место ставится понятие «человек», что актуализирует избранную исследовательскую проблему и определяет цель исследования – установить не столько ситуации, которые становятся рискогенными для человека, сколько выявить наиболее распространенный в обществе риска образ человека.

Результаты и обсуждение

Для понимания, когда современному человеку грозят ситуации, в которых концентрируются рискогенные неопределенности, целесообразно обратиться к востребованным положениям современных концепций риска.

Плодотворным в этом отношении может быть модель «дерево решений» Н. Лумана: в современных условиях любое принимаемое решение неизбежно связано с рискованными «неожиданными последствиями» [21, с. 22–23], в отношении которых принимаются новые решения, также порождающие риски. Так, в цепи любых реше-

ний сосредоточиваются потенциальные угрозы, образуется некий феномен, содержащий риски даже без привязки к конкретным решениям [5]. Более того, в результате целостности глобализирующегося социокультурного пространства рискогены могут проявиться в любой его части. Риск, таким образом, таится в политико-управленческой сфере и образуется в результате трансформации цепи безличных решений в некоторый безличный, безответственный и вероятно опасный продукт.

В данном контексте важно учитывать, что сегодня в научной литературе сам факт управления все реже трактуется как конечный акт «принятия решения». Реальное управление социальными процессами, как полагают современные исследователи, например А. Арсено и М. Кастельс, все более осуществляется посредством управления общественным мнением, усиливая тем самым безличность и безответственность решений. Социальная практика показывает, что управление общественным мнением часто стало осуществляться с помощью двух основных инструментов: «переключением общественного внимания, в частности, сокрытием одних фактов, и массовым тиражированием других, «перепрограммированием» контента [15, с. 491]. Так, в постмодернистском социокультурном пространстве появляются медийные факты, которыми и являются «сконструированные неопределенности» (У. Бек) и «неожиданные последствия» (Н. Луман), что нашло отражение в определении риска, предложенное У. Бекем: «риски суть тип *виртуальной реальности*, реальной виртуальности», с которым и имеет дело человек в обществе риска [17, с. 138].

Поскольку факты реальности конструируются в качестве медийных фактов, то реальное управление обществом переходит в руки масс-медиа и их руководителей. Однако собранная масс-медиа информация может быть вырвана из реального контекста или превратно (конъектурно) ею интерпретирована. Известно, что в информационную эру, нередко именуемую цифровой, общественное мнение как срез массового сознания серьезно подвержено психологическому воздействию масс-медиа и активно воспринимает преподноси-

мую информационную оценку, как будто она сформирована самими людьми. Масс-медиа в условиях массивных информационных потоков может убедить или переубедить человека в чем угодно, это только вопрос времени [6]. Более того, социально сконструированные факты, воспринятые массовым сознанием в виде общественного мнения, детерминируют поведение человека как «социального игрока» [12, с. 30]. В результате «принятие решений» становится более непредсказуемым, а «поле» рискованных решений в социокультурном пространстве, значимым элементом которого является общественное мнение, раздвигается.

Современный человек, постоянно находясь в рискогенном социокультурном пространстве, сталкивается с разным «качеством» риска. И здесь конструктивным с точки зрения антропологического измерения общества риска становится введенное Н. Луманом в научный оборот понятие «порог бедствия», которое и определяет качество риска, а именно ту границу, за которой риск может восприниматься как серьезная неудача или бедствие. По Н. Луману, «порог бедствия» зависит только от того, кто выносит решения [21, р. 3–4]. Ведь именно от субъекта принятия решения зависит, будет ли он учитывать риск; если «да», то в каком объеме будет брать его в расчет и, наконец, как будет оценивать «порог бедствия» [21, р. 3]. Это означает, что в современном рискогенном обществе на первый план выдвигается вопрос о том, **кто** принимает решения и должен ли **он** принимать в расчет риск или нет [21, р. 4]. Следовательно, актуализируется проблема субъекта выбора и оценки рисков, а именно его системы знаний и ценностей.

Но прежде чем осмыслить, **что** есть данные системы, уместным будет обращение к еще одному определению риска, которое принадлежит У. Беку: риск есть нечто среднее между фактами модернизации и ценностными суждениями; «конкурентное» отношение между результатами научно-технического прогресса и существующим в обществе социокультурным восприятием действительности [17, с. 135, 136]. При этом, предупреждают рискологи, речь идет не об «обычных» рисках, сопровождающих предпринимательскую,

инновационную или иную деятельность, поскольку они есть норма всякой социокультурной динамики и их можно в той или иной степени просчитать. Здесь говорится о «невидимых», труднопредсказуемых, неконтролируемых фактах [13, с. 22–23], в частности о неопределенности масштабов глобального потепления, или процессов становления нового миропорядка, или последствий современной пандемии, т.е. актуализируется вопрос о роли научного знания в постмодернистском обществе риска.

Известно, что рискогенные факторы, порождаемые успехами научно-технической модернизации, существуют только в форме знаний о них. Следовательно, специалисты, несущие ответственность за определение степени рискогенности новейших технологий, с одной стороны, и масс-медиа, ответственные за распространение знаний о них, с другой стороны, по словам У. Бека, «приобретают ключевые социальные и политические позиции» и, следовательно, «политический потенциал общества риска должен быть проанализирован в терминах производства и распространения знаний о рисках» [18, р. 12]. Научное сообщество, без которого современное научное знание не может быть непосредственно применено в политико-управленческой сфере, преобразовывается, как метко определил У. Бек, в институт экспертов, приобретающий самодовлеющее политическое значение: именно эксперты определяют, **что и насколько** опасно [16, р. 59]. В результате, предостерегает ученый, корпус экспертов закрепляет за собой привилегированное положение и превращается в элиту, «третирующую остальное население как алармистов, подрывающих общественный порядок» [18, р. 15]. Нельзя не согласиться с оценкой, данной исследователями обществу постмодерна, как обществу, разделенному на политически ангажированных экспертов, систематически скрывающих или искажающих истинную информацию о рисках, и остальное население, у которого постепенно формируется стойкое недоверие к науке, тем более что экспертное сообщество не может ответить на вопросы, задаваемые инициативными группами населения, дать оценку реальному состоянию социальной среды и предложить

адекватные решения рискогенных ситуаций [18, р. 15; 14, с. 29]. Об ограниченности экспертного знания как инструмента элиминирования рисков в социетальных системах говорил и Э. Гидденс [20, р. 162]. Кроме того, в условиях нового витка научно-технической революции не может быть единственного эксперта по конкретному рискогену: мнение одних специалистов часто перекрывается мнением других. Более того, как замечает П. Словик, суждения экспертов также подвержены предубеждениям, как и общественное мнение, особенно в ситуации, когда ученые вынуждены выходить за рамки доступных знаний и полагаться на интуицию [25, р. 281]. Таким образом, субъекты выбора и оценки риска при принятии решения и определении «порога бедствия» оказываются в условиях всеохватывающей неопределенности из-за отсутствия объективной научно обоснованной информации со стороны экспертного сообщества и масс-медиа и вынуждены полагаться на собственную систему знаний и ценностей.

Данный контекст вновь возвращает нас к антропологическому измерению общества риска. Необходимым компонентом изучения человека в постмодернистском обществе риска, с точки зрения ряда исследователей, является концепт амбивалентности человека. По мнению В.Б. Устьянцева, для современного рискогенного социума характерны два основных образа человека: «человек ценностный» и «человек институциональный» [9].

Понятие «ценностный человек» стало разрабатываться еще в последней четверти XIX в рамках философии жизни. Впервые основные свойства данного образа человека применительно к до ярко выраженным рискогенным условиям описал Ф. Ницше [7]. В дальнейшем представители философии жизни, например Г. Риккерт, уточнили образ «ценностного человека», живущего в ситуации риска [8]. Однако в современную эпоху – эпоху виртуальной реальности – общество риска обусловило появление нового «ценностного человека».

Современная философская трактовка понятия «ценностный человек» акцентирует внимание на ценности свободы [9], которая в

условиях неопределенности реализуется как минимум в двух самостоятельных формах. Во-первых, это образ свободного творческого человека, свобода у которого ассоциируется со стремлением к креативному началу и обретению творческой индивидуальности. А рискогенная ситуация актуализирует у свободного творческого человека стремление разрушить старый мир, преобразовать традиционное бытие, а также обостряет желание не избегать риски, а научиться эффективно ими управлять. Во-вторых, это образ свободного виртуального человека. В современном цифровом обществе постепенно формируются «новые интеллектуалы», ценности которых перестают соответствовать устойчивым смыслам общечеловеческих ценностей, обретая форму символов, являющих собой метафоры. Так, свобода человека ассоциируется со свободой волеизлияния в виртуальной реальности как средством самовыражения своей «интеллектуальности». Это означает, что в современном обществе «риска глобализации» «ценностный человек» есть и человек творчески свободный, и человек виртуально свободный. Однако когда в современном постмодернистском обществе риск есть некий «тип *виртуальной реальности*, реальной виртуальности» (У. Бек) и распространены медийные факты как «сконструированные неопределенности» (У. Бек), наиболее распространенным образом «ценностного человека» становятся «новые интеллектуалы», или человек виртуально свободный. Именно в виртуальной реальности, с характерной для нее трансформацией безличных решений в некоторый безответственный продукт, у «новых интеллектуалов» появляется возможность формировать с помощью медийных фактов общественное мнение, не неся социальной ответственности за ценностное содержание массового сознания.

В условиях непредсказуемой реальности формируются особые механизмы институализации, обуславливающие перемещение человека из плоскости собственного самосознания в плоскость надындивидуальной реальности. Так, появляется «институциональный человек» [9]. Его истоки могут быть связаны, с одной стороны, с желанием человека как индивида пребывать в состоянии покоя

благодаря стереотипам мышления, избегать или до предела минимизировать риски, разрушающие установившийся порядок вещей и устойчивость личностного бытия; и, с другой стороны, со стремлением человека как субъекта власти установить жесткий социальный контроль за отклонениями от привычных стандартов взаимосвязи индивида и социальных институтов, задать регуляторы, уменьшающие неопределенность потенциальных последствий рискованных действий. В исследовательском поле модели «институционального человека» также нет единой трактовки, хотя сохраняется приоритетность ценности порядка. С субъективистской позиции, у «институционального человека» есть возможность активной адаптации к социальной среде [22, с. 349]. Согласно субъектно-объектного подхода, «институциональному человеку» предоставлен выбор нормативной регуляции, хотя он и социально детерминирован [11, с. 82]. Однако в условиях научно-технической модернизации для приобретения и сохранения политически ангажированными экспертами и масс-медиа своих «ключевых социальных и политических позиций» (У. Бек) в обществе риска, им более выгодно солидарное поведение. В ситуации неопределенности начинает доминировать именно этот вид социального поведения и преобладать «институциональный человек», этические нормы которого обеспечивают выполнение согласованных стратегий, социально детерминирующих солидарное поведение [1; 4], характеризующееся отсутствием персональной социальной ответственности.

Заключение

Итак, можно сказать, что все многообразие рисков эпохи общества постмодерна и глобализации в значительной степени порождается «виртуально свободным человеком» как представителем «новых интеллектуалов» и «институциональным человеком», «согласованных стратегий». В условиях виртуальной реальности и тот и другой образ человека занимают ключевые социально-политические позиции, обуславливая дальнейшее нарастание неопределенности в обществе риска, особенно в его политико-управленческой сфере.

Где же выход из создавшейся ситуации? Своеобразным подходом можно считать путь, предложенный М. Дугласом и А. Вильдавски: «Можем ли мы знать риски, с которыми мы сталкиваемся сейчас или столкнемся в будущем? ... Нет, мы не можем; однако должны действовать так, как будто мы знаем», а именно: установить для рисков некоторую шкалу приоритетов. «Ранжирование и оценка рисков ... требует предварительного соглашения по поводу критерия подобной оценки» [19, с. 1, 3–4]. Так, рискогенная ситуация неопределенности перемещается в «пространство для ценностного соглашения» [20, с. 30–31]. И выбор приемлемости риска для общества в этой ситуации зависит от ценностей, которые доминируют в общественном сознании. Так, наряду с антропологическим измерением современного общества риска вновь актуализируется аксиологический аспект. Именно здесь, по мнению ряда ученых, возникает необходимость рассматривать риск как совместный продукт антропологического и аксиологического согласия («соглашения») о наиболее желаемых перспективах развития социума, а, следовательно, о грамотном выстраивании процессов управления рисками, об интегрированности этих процессов в общеорганизационное управление современным социумом в целом [10]. Сегодня господствующими ценностями выступают ценность свободы виртуального человека и ценность порядка как согласованных стратегий, реализуемые безотносительно к ценности социальной ответственности. «Соглашение» о снижении степени неопределенности в обществе риска возможно на основе системного мировоззрения, позволяющего человеку интегрировать ценностные суждения о том, как должно жить в условиях нарастающей неопределенности, с эмпирическими данными о том, каков мир в реальности, каковы объективные угрозы и реальные последствия самих угроз и методов их решения. Именно системное мировоззрение позволяет эффективно решить проблему выбора решения в условиях нарастания рискогенности и неопределенности, и в этом его практическая значимость. Одновременно системное мировоззрение создает теоретико-методологическую основу для исследования общества риска и человека в нем в их целостности и системном единстве. Предлага-

емый путь снижения неопределенности в обществе риска предполагает изменение системы воспитания и образования. Ведь только здесь мировоззрение человека может приобрести упорядоченность, осмысленность и системную организованность, обеспечивающих понимание закономерностей функционирования и развития окружающего мира и человека в нем.

Информация о спонсорстве

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. 0256-2019-0035 проекта № гр. АААА-А19-119011190170-5.

Список литературы

1. Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 160 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Фёдоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Клири Ш., Мальере Т. Глобальные риски. Деловой успех в неспокойные времена / Пер. с англ. Л. Ивановой и др. М.: Вопросы экономики, 2012. 224 с.
4. Корнейчук Б. В. Институциональная экономика. М.: Юрайт, 2016. 251 с.
5. Луман Н. Общество, интеракция, социальная солидарность / Пер. Т. Козловой и Е. Мещеркиной // Человек. 1996. № 3. С. 100-107.
6. Мартынова Н. Влияние масс-медиа на массовое сознание // Лингвистика, лингводидактика и межкультурная коммуникация: теория и практика: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции (г. Таганрог, 22–23 апреля 2015 г.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2015. С. 156–162.
7. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Перевод В.В. Рынкевича / Под ред. И.В. Розовой. М.: Интербук, 1990. 301 с.
8. Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, 1998. 512 с.
9. Устьянцев В.Б. Антропология риска: концептуальные основания // Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспек-

- ты / Под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов: Наука, 2006. 289 с. <https://textarchive.ru/c-2567431-pall.html>
10. Шагиахметов М.Р. Основы системного мировоззрения. Системно-онтологическое обоснование. М.: Изд-во КМК. 2009. 263 с.
 11. Элиас Н. Общество индивидов / Перевод с немец. А. Иванченко, А. Антоновского, А. Круглова / Общая редакция М. Хорькова. Сер. Образ общества. М.: Праксис, 2001. 336 с.
 12. Яницкий О.Н. Вызовы и риски глобализации. Семь тезисов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 29–39.
 13. Яницкий О.Н. Россия как «общество риска»: контуры теории // Россия реформирующаяся. 2001. № 1. С. 21–44.
 14. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3–35.
 15. Arsenault A., Castells M. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics. *International Sociology*. 2008. №. 23(4), pp. 488–513.
 16. Beck U. *Risk Society. Toward a New Modernity*. L.: SAGE, 1992. 260 p.
 17. Beck U. *World Risk Society*. Cambridge. UK/Malden, MA: Polity Press. 1999. 184 p.
 18. Beck U. *Ecological Enlightenment. Essays on the Politics on the Risk Society*. New Jersey. Humanities Press, 1995. 159 p.
 19. Douglas M., Wildavsky A. *Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1982. 221 p.
 20. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990. 188p.
 21. Luhmann N. *Risk: A Sociological Theory*. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993. 148 p.
 22. North D.C. Epilogue: economic performance through time // Alston J., Eggertsson T., North D.C. (eds): *Empirical studies in institutional change*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, pp. 342–355.
 23. Perrow Ch. *Normal accidents: Living with high-risk technologies*. – N.Y.: Basic books, 1984. 386 p.

24. Rosa Eu. Metatheoretical Foundations for Post-Normal Risk // Journal of Risk Research. 1998. № 1 (1), pp. 15–44.
25. Slovic P. Perception of Risk // Science. 1987. Vol. 236, pp. 280–285.

References

1. Auzan A. *Ekonomika vsego. Kak instituty opredelyayut nashu zhizn'* [Economics of everything. How institutions determine our lives]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2014. 160 p.
2. Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the way to another Art Nouveau] / Transl. with him. B. Sedelnik and N. Fedorova. Moscow: Progress-Tradition, 2000. 384 p.
3. Kliri SH., Mal'yere T. *Global'nyye riski. Delovoy uspek v nespokoynyye vremena* [Global Risks. Business success in turbulent times] / Per. from English L. Ivanova et al. Moscow: Issues of Economics, 2012. 224 p.
4. Korneychuk B. V. *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional Economics] Moscow: Yurayt, 2016. 251 p.
5. Luman N. Obshchestvo, interaktsiya, sotsial'naya solidarnost' [Society, interaction, social solidarity] / Per. T. Kozlovoy i Ye. Meshcherkinoy. *Chelovek*, no 3 (1996): 100–107.
6. Martynova N. Vliyaniye mass-media na massovoye soznaniye [Influence of the mass media on mass consciousness]. *Lingvistika, lingvodidaktika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: teoriya i praktika: sbornik nauchnykh trudov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Taganrog, 22–23 aprelya 2015 g.)* [Linguistics, linguodidactics and intercultural communication: theory and practice: collection of scientific papers of the III International scientific-practical conference (Taganrog, April 22–23, 2015)]. Rostov-on-Don: Publishing house SFe-dU, 2015, pp. 156–162.
7. Nitsche F. *Tak govoril Zarathustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo* [So said Zarathustra. A book for all and for no one]. Translation by V.V. Rynkevich / Ed. I.V. Pink. Moscow: Interbook, 1990. 301 p.
8. Rikkert G. *Filosofiya zhizni* [Philosophy of Life]. Kiev: Nika-Center, 1998. 512 p.
9. Ust'yantsev V.B. *Antropologiya riska: kontseptual'nyye osnovaniya. Obshchestvo riska i chelovek: ontologicheskii i tsennostnyy aspekty*

- [*Risk society and man: ontological and value aspects*]. Saratov, Nauka, 2006. 288 p. URL: <https://textarchive.ru/c-2567431-pall.html> (accessed date: 05.21.2020).]
10. Shagiakhmetov M.R. *Osnovy sistemnogo mirovozzreniya. Sistemno-ontologicheskoye obosnovaniye* [Fundamentals of a systems worldview. System-ontological substantiation]. Moscow, publishing house KMK. 2009.263 p.
 11. Elias N. *Obshchestvo individov* [Society of individuals]. Translation from German. A. Ivanchenko, A. Antonovsky, A. Kruglov, total. Ed. M. Khorkova. Ser. The image of society. Moscow, Praxis, 2001.336 p.
 12. Yanitskiy O.N. Vyzovy i riski globalizatsii. Sem' tezisev. [Challenges and risks of globalization. Seven points]. *Sociological Studies*, no 1 (2019): 29–39.
 13. Yanitskiy O.N. Rossiya kak «obshchestvo riska»: kontury teorii [Russia as a “risk society”: the contours of theory]. *Reforming Russia*, no 1 (2001): 21–44.
 14. Yanitskiy O.N. Sotsiologiya riska: klyuchevyye idei [Sociology of risk: key ideas]. *Mir Rossii*, no 1 (2003): 3–35.
 15. Arsenault A., Castells M. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics. *International Sociology*, no 23(4) (2008): 488–513.
 16. Beck U. *Risk Society. Toward a New Modernity*. L.: SAGE, 1992. 260 p.
 17. Beck U. *World Risk Society*. Cambridge. UK/Malden, MA: Polity Press. 1999. 184 p.
 18. Beck U. *Ecological Enlightenment. Essays on the Politics on the Risk Society*. New Jersey. Humanities Press, 1995. 159 p.
 19. Douglas M., Wildavsky A. *Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkele, Los Angeles: University of California Press, 1982. 221 p.
 20. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990. 188p.
 21. Luhmann N. *Risk: A Sociological Theory*. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993. 148 p.
 22. North D.C. Epilogue: economic performance through time. Alston J., Eggertsson T., North D.C. (eds): *Empirical studies in institutional change*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, pp. 342–355.

23. Perrow Ch. Normal accidents: Living with high-risk technologies. N. Y.: Basic books, 1984. 386 p.
24. Rosa Eu. Metatheoretical Foundations for Post-Normal Risk. *Journal of Risk Research*, no 1 (1) (1998): 15–44.
25. Slovic P. Perception of Risk. *Science*, vol. 236 (1987): 280–285.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Гриценко Галина Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник
ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН)
пр-т Чехова, 41, Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация
dissovet@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Grtsenko Galina Dmitrievna, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher
Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of The Russian Academy of Sciences
41, Chekhov Ave., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation
dissovet@rambler.ru